

В этот момент Гу Цзюэ был в золотой маске. Искусная работа мастеров ничуть не портила его лицо — наоборот, маска лишь заставляла гадать, какая же красота скрывается под ней, придавая его облику особую, таинственную привлекательность.

Стоило лишь надеть маску, как Сяо Юй внезапно вспомнил их первую встречу с Гу Ляньюэ: тогда она скакала верхом на лошади в окрестностях столицы, точно так же. Осознав, что только что принял стоящего перед ним Гу Цзюэ за ту самую Гу Ляньюэ, Сяо Юй почувствовал, как в груди у него защемило, и смотреть на человека напротив стало еще противнее.

— Переоденься в эту одежду! — приказал он.

Гу Цзюэ вспомнил, что в прошлый раз, когда Сяо Юй заставлял его надеть наряд дворцовой служанки, всё было точно так же. Неужели тот всё еще затаил обиду из-за его прежнего упорного сопротивления и теперь хотел проверить, станет ли он беспрекословно подчиняться его прихотям, как и обещал?

Гу Цзюэ поджал губы, выровнял дыхание и ответил:

— Слушаюсь.

Он уже взял у Ван Хая одежду евнуха и собирался удалиться, но Сяо Юй окликнул его:

— Переодевайся здесь.

Пальцы Гу Цзюэ, сжимавшие одежду, мгновенно побелели, он до боли закусил губу.

Проводив взглядом вышедшего Ван Хая, Сяо Юй холодным тоном бросил замершему на месте Гу Цзюэ:

— Чего на мне нет из того, чего я у тебя не видел? Переодевайся прямо здесь!

Да, действительно, на его теле не осталось мест, которых тот еще не видел. Но ведь есть разница: по собственной воле или по принуждению — разве это может быть одинаковым? Одно дело — обнажать свое тело перед тем, кого любишь, и совсем другое — перед человеком, который делает это лишь ради унижения. Гу Цзюэ прекрасно понимал эту разницу. И пусть в душе всё протестовало, пусть ему хотелось стиснуть зубы и, как в тот раз с платьем служанки, предпочесть смерть повиновению — сейчас всё было иначе. Он дал слово.

Гу Цзюэ выпустил из груди сдавленный выдох и произнес, глядя на Сяо Юй:

— Слушаюсь.

Рука Сяо Юй, лежавшая на столешнице, напряглась. А Гу Цзюэ тем временем отложил одежду в сторону и положил руку на собственный пояс.

Гу Цзюэ умел сгибаться под ударами судьбы, но сейчас, стоя перед Сяо Юй, он держал спину прямо. Его пальцы развязали пояс, распахнули верхнее ханьфу, и он стал снимать одежду одну за другой. Наконец его бледная грудь обнажилась, и в этот миг ресницы Гу Цзюэ невольно задрожали.

Ему отчаянно хотелось не обращать внимания на Сяо Юй, но из глубин души поднималась жгучая волна стыда. Превозмогая унижение, подавляя стыд, он медленно разделся догола. Сяо Юй видел Гу Цзюэ в постели, но ему ещё не доводилось видеть его с лёгким выражением стыда на лице. Сейчас Гу Цзюэ от смущения невольно закусил нижнюю губу. Как бы сильно он ни старался делать вид, что ему всё равно, кончики его ушей всё же покраснели. С самого начала взгляд Сяо Юя был прикован к лицу и телу Гу Цзюэ, не отрываясь ни на секунду. Хотя у них были тела двоих мужчин, в этот момент тело Сяо Юя невольно стало горячее.

Сяо Юй прекрасно знал, каково это — обнимать такое тело. Он не знал, как обстоят дела у других мужчин, да и никогда не обнимал других мужчин. Было время, когда он заключал в объятия только Гу Цзюэ — словно в отместку. Ему казалось, что для мужчины быть прижатым им к постели — это позор, и он воспринимал это как унижение для Гу Цзюэ. Но очень скоро он понял, что Гу Цзюэ вовсе не против его объятий, более того, они ему даже нравятся, и в постели он проявляет полную податливость.

Единственное сопротивление было проявлено совсем недавно, когда тот заикнулся о том, чтобы покинуть дворец... Тогда Сяо Юй не поверил ему, но теперь, зная о его чахотке, он отчасти всё понял. В тот раз Гу Цзюэ ни за что не хотел убирать руку, прикрывавшую рот, должно быть, боясь заразить его.

Сяо Юй подумал: он действительно любит его до мозга костей.

Стоило только подумать об этом, как жар в теле Сяо Юя стало трудно сдерживать.

Гу Цзюэ старался двигаться как можно быстрее, чтобы не затягивать эти постыдные мгновения, но как только его рука потянулась к одежде евнуха, Сяо Юй вдруг произнёс:

— Подойди!

Кончики пальцев Гу Цзюэ дрогнули, и он торопливо схватил одежду, чтобы прикрыться.

Это движение вызвало лёгкое недовольство на лице Сяо Юя:

— Что ты прячешь? Пытаешься скрыть очевидное? Я велел тебе подойти.

Гу Цзюэ прикусил нижнюю губу:

— Я сейчас же... оденусь.

Его отказ был слишком очевиден.

Тон Сяо Юя стал холоднее:

— Я сказал, подойди сюда!

Внутри у Гу Цзюэ всё оборвалось. Он знал, что ему не спастись. Сейчас на нём не было нитки одежды, и облачаться в наряд евнуха само по себе было унизительно, чего же Сяо Юй хочет от него теперь?

Шаг за шагом Гу Цзюэ подошёл к Сяо Юю. Ощущение собственной наготы делало его невероятно чувствительным. Едва он оказался перед Сяо Юем, как тот протянул к нему руку. Гу Цзюэ попытался увернуться, но разве мог он сравниться со Сяо Юем в скорости? Застигнутый врасплох, он почувствовал, как ладонь Сяо Юя легла ему на поясницу и спину, и в следующее мгновение его уже притянули, усаживая прямо на колени к Сяо Юю. У него по коже побежали мурашки:

— Не надо!

В памяти всплыли воспоминания о прежнем принуждении со стороны Сяо Юя, и Гу Цзюэ выкрикнул это сам не свой. Но в ответ раздался лишь холодный смешок Сяо Юя:

— Не хочешь?

После заточения и перенесённой болезни характер Гу Цзюэ действительно сильно изменился. Прежде он никогда бы не посмел сказать «не хочу»!

Слегка прохладные пальцы Сяо Юя скользнули по его коже и остановились на груди, легко лаская её.

— Впредь тебе запрещено произносить это слово, — предостерёг он.

Сердце Гу Цзюэ пропустило удар, но тут же последовала следующая фраза Сяо Юя:

— У тебя нет на это права.

В груди у него болезненно сжалось.

Нет права! Нет права! Да! Теперь, когда он согласился на эту сделку, он не умрёт, и император волен делать с ним всё, что вздумается! У него и правда больше не было права говорить «не хочу»!

Тоскливую горечь в душе невозможно было подавить. Тело горело от ласк Сяо Юя, но на сердце было холодно, как на леднике. И в этот миг он отчётливо услышал слова Сяо Юя:

— Теперь ты.

Гу Цзюэ инстинктивно хотел снова отказаться.

Но Сяо Юй только что напомнил, что у него нет права отказывать.

Он весь окоченел. Под маской он до крови закусил губу, но эта физическая боль ни на йоту не облегчала душевные муки. Даже боль в груди казалась теперь незначительной. Смириться в мыслях и столкнуться с реальностью лицом к лицу — совершенно разные вещи. Он не мог даже предположить, какую ещё низость придумает Сяо Юй, чтобы унижить его.

Сяо Юй уже был на пределе, но Гу Цзюэ не только не помогал ему, но и становился всё более деревянным. Император прищурился, его голос из-за вспыхнувшего вожделения прозвучал угрожающе:

— У меня мало терпения к тебе, Гу Цзюэ, ты же знаешь. Так что, пока оно окончательно не иссякло, делай то, что должен.

Это было предупреждение!

От этих слов Гу Цзюэ обдало ледящим холодом.

Нельзя... нельзя допустить, чтобы Сяо Юй пошёл на крайности. Нужно подчиниться сейчас, иначе потом будет слишком поздно. Он не перенесёт, если потеряет последнее и будет горько раскаиваться. В это мгновение он закрыл глаза, а когда открыл их вновь, в его некогда чистом взгляде не осталось никаких чувств.

Затем он начал действовать.

Сяо Юй хоть и велел Гу Цзюэ взять инициативу, но очень быстро потерял терпение. Посчитав его движения слишком медленными, он просто взял всё в свои руки. Гу Цзюэ вертели и так и этак, терзая уже очень долго. Его грудь тяжело вздымалась, уголки глаз покраснели, он закашлялся, а тело невольно сжалось в комок. От этого Сяо Юй стиснул зубы и слегка похлопал Гу Цзюэ по спине:

— Расслабься.

Этот голос прозвучал почти нежно, в нём даже послышалась какая-то забота, но именно от этой нежности Гу Цзюэ напрягся ещё сильнее.

Сяо Юй редко бывал с ним ласков, но всё же бывал. В те времена, когда Гу Цзюэ ещё не

подозревал об истинных намерениях Сяо Юя, он страстно ждал и высоко ценил эту редкую нежность. Сяо Юй ведь тоже был человеком, и у него, конечно, бывало хорошее настроение. Тогда его отношение к Гу Цзюэ теплело, они беседовали и даже предавались любви по взаимному согласию.

Однако сейчас он вдруг осознал: он мог вынести неприкрытое отвращение Сяо Юя, но его внезапная нежность оказалась для него невыносимой.

Эта призрачная забота ранила больше всего — от тихих слов Сяо Юя у него заныло самое сердце.

Сяо Юй издевался над ним! Унижал его! Презирал его! Ради Гу Ляньюэ он так безжалостно топтал его! Но осквернить его тело было мало — он ещё и втоптал его искренние чувства в грязь!

Он ведь уже мысленно примирился с любым насилием, но стоило прозвучать короткому слову участия, которое и заботой-то назвать было нельзя...

Всего одна короткая фраза... И сколько бы раз до этого ни болело его сердце, сколько бы он ни укорял себя, сколько бы ни предостерегал и ни уверял себя, что его чувства давно мертвы — Сяо Юю требовалось лишь мгновение, чтобы пустить все его усилия прахом.

Если в мире смертных и существовала предначертанная кара, то Сяо Юй определённо стал его главным жизненным испытанием. Пока тот жив, Гу Цзюэ не обрести покоя ни на день, и даже смерть не принесёт ему избавления.

— Кха-кха-кха-кха...

От этой нежности кашель Гу Цзюэ не утих, а лишь усилился. Он заходился в тяжёлом кашле, его тело не расслаблялось, а сжималось всё сильнее.

Из-за упрямства Гу Цзюэ всё закончилось быстро и скомканно. Сяо Юй процедил сквозь зубы:

— Гу Цзюэ, ты делаешь это нарочно!

Гу Цзюэ не мог спорить и лишь тихо выдавил:

— Я... не могу сдержать кашель.

Лицо Сяо Юя потемнело. Он уже собирался позвать Ван Хая, чтобы тот навёл порядок, но бросил взгляд на обнажённого, измученного Гу Цзюэ.

— Даже одеться сам не можешь? Всё ещё ждёшь, что Я велю евнухам помочь тебе? — вспомнив былые слова Гу Цзюэ о том, что лучше уж любить евнуха, чем его, Сяо Юй разозлился ещё

сильнее. — Вот только теперь ты сам не более чем евнух, и у тебя нет права на то, чтобы тебе прислуживали!

Гу Цзюэ всё ещё пытался восстановить дыхание, но, услышав это, внезапно замер.

Заметив его оцепенение, Сяо Юй подумал: «Оказывается, этот бесстрашный Гу Цзюэ тоже умеет бояться». Сяо Юй со злой усмешкой искривил губы:

— Я было хотел мимоходом сделать тебя настоящим евнухом, но если вдруг прикончу тебя в пылу игры, будет неинтересно. Отныне ты — мой личный евнух, будем звать тебя... Сяо Юйцзы. — Он посмотрел на него: — Сяо Юйцзы, чего же ты медлишь? Одевайся и подавай мне воду для купания, а потом помоги одеться!

Раз уж он теперь евнух, то и работу должен выполнять евнушьё — Сяо Юй вовсе не собирался его баловать.

Гу Цзюэ до этого уже полчаса простоял на коленях, а после был принужден вытерпеть еще немало, так что теперь его бедра дрожали, и даже встать, чтобы сделать шаг, было тяжким трудом. И вот, когда он должен был прислуживать императору в купальне, снаружи послышался голос Ван Хая:

— Ваше Величество, лекарство из Императорской врачебной палаты доставлено.

Гу Цзюэ замер. Лекарство из Императорской врачебной палаты?

Но в этот момент раздался резкий голос Сяо Юя:

— Что? Все еще боишься, что Ван Хай войдет и увидит, в каком ты сейчас виде?

Преодолевая ноющую боль и дискомфорт внизу живота, Гу Цзюэ кое-как оделся и подошел открыть дверь. Ван Хай, словно не замечая странного вида Гу Цзюэ и того, как трудно было скрыть в комнате запах недавней близости, протянул поднос в его сторону:

— Господин Гу, это ваше лекарство.

Гу Цзюэ опешил:

— Мое?

Сяо Юй прищурился, глядя на него:

— Отныне за тем, как ты пьешь лекарства, должен кто-то следить. За иглоукалыванием — тоже.

Гу Цзюэ замер, не успев даже понять, что за игру снова затеял Сяо Юй, как тот добавил:

— Если у тебя хоть раз возникнет тайная мысль о смерти, я немедленно отправлю людей в Синин.

У Гу Цзюэ волосы на загривке встали дыбом, и он выпалил:

— Я выпью!

Это был не намек, а неприкрытая угроза. И то, что его заставляют послушно пить лекарства и проходить процедуры, делалось вовсе не ради его блага — просто Сяо Юю нужно, чтобы он жил дольше, чтобы дольше подвергаться унижениям.

Сердце Гу Цзюэ отяжелело. Не говоря ни слова, он сорвал маску и залпом выпил горький отвар, а затем тут же надел маску обратно, даже не переведя дыхание. Допив лекарство, он ощутил легкое недоумение: почему вкус отвара не такой, как раньше?

Однако он недолго ломал над этим голову, решив, что лекарь просто сменил рецепт. Взгляд его упал на маленькую коробочку, лежавшую рядом с чашей. Он подумал, что там тоже лекарство — может, какие-нибудь пилюли, но, открыв крышку, застыл.

Там были не пилюли, а небольшая порция цукатов.

Цвет сушеных фруктов был безупречен, и стоило открыть коробочку, как Гу Цзюэ почувствовал тонкий сладкий аромат.

Гу Цзюэ любил сладости. Из-за нелепой мужской гордости он считал, что такую слабость не стоит озвучивать или выставлять напоказ. Поэтому, даже если ему хотелось сладкого, он ел украдкой, боясь, что кто-то узнает, как господин Гу балует себя вещами, которые нравятся лишь девчонкам.

В детстве, когда он болел, мать заманивала его цукатами, чтобы он выпил лекарство. Но попав во дворец, разве мог он рассчитывать, что кто-то будет угощать его ими?

Гу Цзюэ помнил, как впервые пил лекарство во дворце, когда его в первый раз наказали. Тогда он узнал, что Сяо Юй собирается пригласить в гарем других женщин, и впервые дерзнул пойти против воли императора. Его наказали двадцатью ударами палок, кожа лопнула, и, конечно, ему назначили лекарства. Он лежал на животе и десять дней пил горькие отвары, не получив ни одного цуката.

Так было и впредь. Постепенно он отвык от того, что к лекарству полагаются сладости, и научился принимать горькое без них. И вот теперь эта коробочка лежала перед ним, заставляя застыть в изумлении.

Без приказа Сяо Юя лекари никогда не стали бы проявлять такую излишнюю заботу.

Но зачем Сяо Юю приказывать давать ему цукаты вместе с лекарством?

Ван Хай, видя смятение Гу Цзюэ, хотел было сказать, что если господину Гу не по вкусу, можно и не есть, но вспомнил, что Его Величество лично приказал приготовить коробочку.

Учитывая характер императора, неужели он знал, что Гу Цзюэ не любит цукаты, и специально хотел посмотреть, как тот будет их есть?

Ван Хай не знал, что сейчас мысли Гу Цзюэ были точно такими же.

Сяо Юй наблюдал, как Гу Цзюэ допил лекарство, но не притронулся к цукатам. В его глазах блеснул огонек. Лекарь сказал, что Гу Цзюэ отказывается от лекарств, а он знал, что тот любит сладкое, и излишне заботливо распорядился приготовить угощение — а он даже не ест!

Неужели он догадался, что он привез его во дворец лишь ради мести за Гу Ляньюэ, и теперь намеренно корчит из себя обиженного?

Лицо Сяо Юя помрачнело:

— Если я дарю тебе что-то, ты обязан это съесть, даже если не любишь!

Гу Цзюэ подумал: он действительно решил, что я их не люблю, и приказал дать их мне. Вот только Сяо Юй ошибся — он как раз очень любил цукаты.

— Слушаюсь.

Он медленно съел содержимое коробочки. Цукаты были очень вкусными, сладкими и ароматными. Но, как и в случае с тем неуместным утешением ранее, Гу Цзюэ почувствовал, что этот подарок лишь горше той чаши с лекарством. Он не боялся горечи, он боялся того, что, привыкнув к страданиям, он вдруг получит сладость из рук мучителя.

Закончив с цукатами, он принялся помогать Сяо Юю с купанием. Движения Гу Цзюэ были скованными, тело — слабым, он не мог делать ничего резкого. Сяо Юй быстро вышел из себя от его вялости и приказал другим войти, чтобы закончить работу. Гу Цзюэ облегченно вздохнул, но после купания его снова позвали помочь императору одеться. Когда с этим было покончено, подоспел Ван Хай с докладом:

— Благородная супруга Гуйфэй передает, что пир Ста Цветов начался, и просит Ваше Величество почтить его присутствием.

Гу Цзюэ лишь спустя мгновение осознал, что сегодня пир Ста Цветов. Хотя на нем собирались лишь женщины гарема, Сяо Юй как император должен был там присутствовать.

В гареме не было императрицы, и распоряжалась всем благородная супруга Гуйфэй, потому именно от нее и пришло приглашение.

В голове Гу Цзюэ промелькнула мысль о беременности наложницы Ли, и от этой мысли его ноющее тело внезапно охватила тошнота.

Неизвестно, было ли это из-за близости с Сяо Юем, но прежде, когда он злился, он не видел всего своими глазами и в сердце не было сомнений, поэтому, хотя он и отвергал тот факт, что у Сяо Юя есть другие женщины, он не задумывался об этом глубоко.

А теперь он невольно представлял: а не был ли он вчера, позавчера или в какой-то другой день с кем-то еще? Не касался ли он сегодня его рук теми же пальцами, которыми только что ласкал другую?

Он не сдержался и на глазах у Сяо Юя его внезапно стошнило.

Он и раньше чувствовал себя грязным, а теперь — еще больше. Разум, прежде затуманенный чувствами, постепенно прояснялся. Ничто не могло быть более отвратительным, чем осознание того, что он, мужчина, борется за мужчину с другими женщинами.

Сяо Юй не обратил на него внимания — раз благородная супруга Гуйфэй пригласила, он, естественно, направился к выходу:

— Сяо Юйцзы, не отставай!

Гу Цзюэ поплелся следом, низко опустив голову. На первый взгляд он был вылитый евнух.

Как только Сяо Юй вошел на пир, наложницы тут же принялись склоняться перед ним, и самой заметной среди них была наложница Ли.

Гу Цзюэ не смотрел на нее, он опустил голову, но в памяти образ наложницы Ли всплыл сам собой. В конце концов, в прошлом он немало ревновал. Теперь же тот прежний он казался ему совсем чужим. Вероятно, все, кто погружен в выдуманный ими же сон, подсознательно не хотят просыпаться. Прежний он был как раз таким человеком: глядя на этих наложниц, он не думал о том, что они нужны Сяо Юю, а видел в них лишь соперниц, которые пришли отобрать у него императора.

Наложница Ли вошла в гарем не первой, но внешне была больше всех похожа на Гу Ляньюэ. Конечно, до Гу Цзюэ ей было далеко, но для двух людей, не имеющих родственной связи, такое сходство черт лица уже было редкостью. Раньше Сяо Юй тоже любил навещать ее покои, а теперь, среди всех женщин гарема, лишь она одна носила ребенка.

Увидев округлившийся живот наложницы Ли, Сяо Юй заметил, как изменилось поведение женщины, прежде отличавшейся своенравным характером: теперь каждое ее движение было осторожным, от нее исходило сияние, называемое материнским. Вероятно, через подобные перемены проходят все женщины, когда у них появляется ребенок.

В голове Сяо Юя внезапно мелькнула дикая мысль: если бы Гу Цзюэ мог оставить ему ребенка, то, будучи беременным, он, естественно, был бы осторожен, и с ним, Сяо Юем, был бы таким же заботливым, как прежде, а не таким, как сейчас — внешне покорным, но лишенным той прежней всепоглощающей нежности.

Эта мысль промелькнула и исчезла, а лицо Сяо Юя помрачнело. Гу Цзюэ — мужчина, как он может родить ребенка? У него в гареме полно женщин, неужели ему нужно, чтобы Гу Цзюэ рожал ему детей?

К тому же, в его гареме полно тех, кто готов угождать ему во всем, так зачем ему сдалась та прошлая нежность Гу Цзюэ?

Гу Цзюэ не знал, что творится в мыслях у Сяо Юя, он лишь следовал за ним, стараясь не привлекать внимания. Другие люди, другие вещи — теперь это уже не заботило его так, как раньше.

Однако была одна вещь: то, что Сяо Чунь говорил о покушении на наложницу Ли во время пира Ста Цветов...

Он хотел, чтобы он отравил ребенка в ее чреве. Гу Цзюэ уже решил, что не сделает этого, но неужели противник был настолько неосторожен, чтобы доверить такое дело человеку, которого видел лишь однажды?

Тогда он говорил так уверенно: если не сделаешь ты, сделает кто-то другой. Значит ли это, что сегодня кто-то другой все-таки попытается?

Неужели правда кто-то осмелится?

В душе Гу Цзюэ зародилось сомнение.

В этот момент он услышал холодный голос Сяо Юя:

— Руки отсохли?

<http://bllate.org/book/21167/2144646>